

«Новая опера» Евгения Колобова: от изыска до шоу

На Таганке прошли гастроли театра «Новая опера», продолжающего тщетно ожидать собственного помещения (здание на территории парка «Эрмитаж», которое выделила мэрия, до сих пор не реставрируется — театр по-прежнему мается без дома). Гастролями на Таганке Колобов подытожил прошедший сезон, главными событиями которого стало сотрудничество с Викторией Лукьянец и премьера «Двое Фоскари» Верди. Ожидалось,

что Лукьянец исполнит Марию Стюарт в лучшей из колобовских постановок, — однако приму так и не дождался: вместо нее партию Марии исполняла талантливейшая Яна Иванилова и солистка театра Б. Покровского Марина Жукова. Два спектакля (Доницетти и Верди) означили избранный Колобовым путь: смесь музыкального изыска («Двое Фоскари» — редко исполняемый репертуар) и зрелищного примитива.

Открытая сцена Таганки на этот раз помогала артистам: исчезновение «четвертой стены» в музыкальном спектакле оправдывало их излишнюю условность. Однако и это не избавило Колобова от неразрешимой для его театра проблемы актерского мастерства (издержки театра, у которого глава — музыкант?). В результате зрители присутствовали на концертном по сути исполнении — с легкими оговорками в виде дорогостоящего оформления.

«Мария Стюарт» в колобовском театре редкое исключение — режиссеру Станиславу Митину удалось интересно использовать хор. Как в античной драме, облаченные в серые и черные одежды хористы направляли действие, представляя то молчаливую толпу, то монашеский ход, то скорбящих путников, сопровождающих шотландскую королеву на эшафот. Лиричное сопрано Жуковой приятно поразило своей легкостью, а В. Шаронова (Елизавета), А. Дьяков (граф Тальбот), К. Авдеев (Лестер) — мастерством. Зал был полон, оркестр играл превосходно — «Стюарт» стала своеобразным бенефисом «Новой оперы», как на фото-пленке, увеличив все дефекты и поставив создателей перед необходимостью соединить размежевавшееся вокальное и сценическое мастерство.

К сожалению, «Двое Фоскари», завершавшие мини-гастроли, побили все рекорды по части подобного несоответствия. Помпезные костюмы, символизовавшие венецианское роскошество, и до примитива схематичные декорации (темная во всю сцену леотница, расцвеченная красно-желтыми фанерными креслами-пирамидами — парафраз башенок Дворца дождей? — художник В. Герасименко) заставляли вспомнить зрелищных «Пиратов» и «Эрнани» в театре Станиславского. Костюмированное роскошество скрадило унылую фигурную ходьбу по сцене. Хористы водили хороводы и махали платками, напоминая зрителям стадионные шоу советской эпохи. «Двое Фоскари», и без того не изобилующая музыкальными откровениями (опера была написана Верди в 28 лет), в подобной интерпретации (постановщик В. Раку) могла выиграть лишь за счет безупречного бельканто. Однако здесь, в отличие от «Стюарт», ансамбли явно хромали. Выручал, как всегда, только хор — безусловно, лучший из всех, что есть в наших музыкальных театрах.

Непонятно, зачем Евгений Колобов, проповедующий универсальность концертных постановок, ступил на путь такого неразумного компромисса. В результате



«Двое Фоскари». Эскиз костюма Дожа.

«Новая опера» превращается в театр Станиславского «наоборот» — если там за костюмами и профессиональной жестикуляцией не слышно голосов, то у Колобова музыка, похоже, освобождает вокалистов от сценических обязательств перед публикой. Пели, безусловно, хорошо, хотя С. Донец и Г. Лебедева (Якопо Фоскари и Лукреция), А. Спехов (Фоскари-старший) лучше смотрелись бы на консерваторской сцене. Зачем заставлять соловья петь в клетке?

Мария ПОЛЯНКО.
Фото Александра
КОЧЕТОВА.



Михаил
Михайлович
Михайлович